

МЕЖДУ СОЗИДАНИЕМ И ЗАВОЕВАНИЕМ ЧАСТЬ 1. ПСИХОИДЕОЛОГИЯ ВОЙНЫ

А.В. Рубцов
Институт философии РАН

Аннотация: *Статья является первой частью аналитической разработки «Между созданием и завоеванием». Краткий газетный вариант текста ранее опубликован в «Независимой газете»¹. Рассмотрены варианты решения «основного вопроса» философии войны. Показана ограниченность представлений функционального материализма, сводящего объяснение военных конфликтов и военизированных акций исключительно к рациональной калькуляции сугубо практических интересов. В рамках концепции психоистории и психоидеологии обосновано подчас решающее значение психоэмоциональных факторов, комплексов и фиксаций, а также завоеваний в идейных плацдармах и территориях смыслов. Отдельная роль отводится состоянию «перегретой холодной гражданской войны» в отношении к ряду конкретных обстоятельств использования военной силы. Рассмотрены ключевые аспекты военной эстетики и политического нарциссизма в силовых акциях различной ориентации и формата.*

Ключевые слова: *войны, военные акции, психоистория, психоидеология, холодная гражданская война, функциональный материализм, нематериальные цели и завоевания, управление враждой, военная эстетика, травма, политический нарциссизм.*

Упражнения в общей теории – занятие не из легких, когда в непосредственной связи с предметом анализа в реальном времени гибнут люди, а позиции близких раскалываются до состояния холодной гражданской войны. На эти особенности собственной реакции на происходящее нельзя закрывать глаза. Более того, их необходимо включать в исследование в режиме самоанализа и специально осмысленной методологической, философской рефлексии. Даже если такая реакция вносит искажения (что не всегда очевидно), то это именно такие «наводки», игнорирование которых деформирует исследуемую картину в гораздо большей степени, чем иллюзии бесстрастности.

1. Объёмы и температура конфликта

При этом тем более важно понимать, что в подобных мировоззренческих и морально-политических конфликтах значимы отнюдь не только количественные, пропорциональные

¹ См.: Рубцов А.В. Психоидеология войн. – *Независимая газета. Наука.* – 26.04.2022.

соотношения категорий респондентов, поддерживающих либо отвергающих силовые мероприятия. Если уподобить эту схему противостояния методично нагреваемой паре «сосудов под давлением», то возникает сильное подозрение, что в «котле» сторонников стратегии завоеваний в разы больше объём наполнения, но несколько ниже средняя «температура». И наоборот: часто именно меньшинство бывает существенно более упертым, заряженным и категоричным. Близость к градусу кипения в таких случаях может отчасти компенсировать меньшее количество и поддерживать стабильность позиций, их устойчивость перед лицом изменяющихся обстоятельств и воздействий. В практической истории бывают моменты, когда «кипящий» актив оказывается сильнее спокойной самоуверенности большинства и всего, что на это большинство опирается.

К тому же необходимо учесть несимметричное распределение влияния на количественный и качественный результат со стороны общих опросных условий и конкретных технологий (то есть и естественную, и искусственную «коррекцию»)². Но тогда тем больше есть оснований судить о том, что внутренняя полемика в отношении происходящего уже находится в перегретой фазе. По понятным причинам этого почти не видно в СМИ, но это в достаточной мере ощущает на собственном опыте каждый из участников напряженной социально-политической коммуникации.

Этот дискурс ещё предстоит анализировать, но о многом говорит сам непосредственно, эмпирически наблюдаемый язык, в том числе лексика и план выражения дискуссии как в аналитических текстах, так и в комментариях, медийных и бытовых. И в этом смысле трудно переоценить особенность, если не уникальность текущего момента. Кажется, столь отчетливой и яростной внутренней поляризации не было за всю историю наблюдений – и это при уникальном опыте танкового участия страны в делах соседей и друзей. Достаточно вспомнить общеизвестную историю подобных внешнеполитических эпизодов и общественной реакции на них, скрытой и явной, актуальной и латентной. Подобные размежевания многим чреваты, поскольку имеют и взрывной потенциал, и долгое последствие. Продолжать в том же духе бывает весьма непросто, а иногда и опасно. Проблемны, в том числе в отношении себя (в отношении экспертизы и политики, науки и власти), обе тактики – пугать и успокаивать. Поэтому общая коррекция метода, подходов и самой оптики аналитического зрения может потребоваться и в самой что ни на есть оперативной обстановке, даже не в окопе, а буквально на марше. Гражданские войны, в том числе «холодные», особенны тем, что по их итогам границы противостояния не переносятся и не закрепляются, а, наоборот, в идеале должны исчезнуть в атмосфере гражданского мира. И об этом приходится думать заранее, иначе потом на руинах идеологических фронтов вскрываются проблемы, в том числе с восстановлением общих ценностей, смыслов и самой способности к однажды разрушенной коммуникации.

2. Привычный вывих

В философии силовых конфликтов тоже есть своего рода основной вопрос. Голая целерациональность полагает, что «объективные» расклады и расчеты здесь первичны, а сознание и эмоции вторичны. Такой взгляд на вещи формирует своего рода функциональный материализм. Социумы в таких моделях по сути уподобляются беспилотным мегамашинам, самодвижущимся по навигаторам «объективных интересов». Однако игнорировать все слиш-

² Это, в частности, видно уже в самой структуре закрытий в анкетировании отношения к военным действиям и связанным с ними обстоятельствам: «поддерживаю», «скорее поддерживаю», «отношусь нейтрально», «не поддерживаю». Здесь в подведении и публикации итогов опросов первое и второе закрытия объединяются в общей позитивной оценке, не имеющей симметричного объединения в позициях «нет» и «скорее нет» относительно оси симметрии «нейтрально».

ком человеческое, в том числе скрытые мотивы и страсти, естественно для самосознания политики, по определению избегающей лишней рефлексии, но выхолащивает «науку». Для начала, крайне обедняется язык объяснения, резко сокращается сам объяснительный потенциал. И это начинает сказываться: в текущем анализе прямолинейный схематизм уже явно не справляется с завихрениями реальной истории и совсем не детскими неожиданностями процесса. Однажды Шлегель назвал историка «пророком, предсказывающим назад». Но когда у аналитиков распадается картинка и падает очередная объяснительная конструкция, начальные расчеты (в том числе объявленные) переписывают, пытаются задним числом просто подогнать их под реальные эффекты и потери. Результат объявляют целью, и так не раз. Кто помнит, подгонка под ответ не всегда проходит даже в школьной арифметике. Отчасти это срывает в пропаганде, и все было бы ничего, если бы не установки контр-идеологии и политических наук, хоть как-то претендующий на последовательность и объективность.

Отсюда претензии к самой метафизике вопроса: не являются ли изменения идеальной картины, в том числе картины мира, не менее важными целями силовых операций, чем «физическая» перекройка влияния, границ и статусов? В какой мере идеология военных действий обеспечивает завоевания, а в какой мере потери людей и траты ресурсов работают на завоевание смыслов, то есть на победы идеологии? Не могут ли завоевания территории идей, ценностей и представлений быть даже более важными, чем присоединение обычных, географических территорий? Как выражался один политолог, ответы на эти вопросы могут быть только риторическими.

3. Управление враждой. Бизнес и искусство. Функциональный менеджмент и «театр военных действий»

Военный менеджмент вообще считается самым сложным, если не сказать изысканным. Организованное братоубийство обычно и рассматривают как предприятия, экономический или геостратегический эффект которых поддается сугубо деловой калькуляции. Только бизнес... Но в конфликтах силы далеко не все и не всегда сводится к погоне за такого рода «прибылью». Иногда решают психо-эмоциональные, символические, даже эстетические моменты. Спорт высоких достижений тоже не сводится к обычной логистике – к доставке тренированных тел в трусах от старта к финишу.

В военных расчетах сложна даже обычная «деловая» составляющая. Воюют ради управления популярностью, рейтингами и самой легитимностью, ради купирования начинающихся периодов разброда и шатаний. Тупиковые проблемы мирного обихода «обходят» переносом внимания, превращая массы в армии политических болельщиков. Наступательное единение и задор драки – едва ли не лучшая психотерапия комплексов, личностных, коллективных, массовых, в том числе системных и исторических.

Наконец, здесь есть и инструментальный, манипулятивный смысл: часто воюют, просто чтобы людей «построить». Или ради самоутверждения, политической жестикюляции «перед зеркалом». Отсюда мифы о непредсказуемости отдельных деятелей, на самом деле совершенно предсказуемых, но в других мотивациях. И отсюда же просчеты в стратегиях влияния на провинившихся, когда громоздкими и обременительными мерами в реальности против воли и ожиданий добиваются прямо противоположного. Даже нанося зримый ущерб, эти меры (например, санкции) могут предоставлять «воспитуемым» как раз то, чего те ждут, если не сказать страждут. С такой подпиткой энергетики и решимости сторон все упирается в их готовность идти до конца, бороться на истощение.

«Театром военных действий» в специальной литературе называют прежде всего территорию реальных и возможных боестолкновений. Армии, фронты, рокады, дислокация резер-

вов, поля сражений... Слово «театр» понимается здесь пространственно, архитектурно – как гигантские сцены, обозреваемые из штабных ярусов и ложи командующего. Однако само слово «театр» (как и «менеджмент») можно понимать шире. Театр в жизни это ещё и переживания, аффект и катарсис, драматургия и режиссура, работа актёров, художников, декораторов и бутафоров, мастеров шумовых и световых эффектов. Вне «коробочки» это ещё и театральная критика, вся система оценки и наград, богатая светская жизнь. Все это не чуждо и военному искусству. Признание толп поклонников здесь часто дороже реальных завоеваний, и это не просто фраза. Война – театр, в котором мы, слава богу, не все актёры.

С этой точки зрения в реальных процессах далеко не всегда ясно, что важнее: менеджмент функций и задач – или театр переживания, производящий массы любителей и ограниченные контингенты фанатов? Это всегда баланс, и очень динамичный, но от понимания таких пропорций зависит, что и почему можно будет объявить победой и какова условно допустимая цена вопроса. Что будет принято как победа даже при отступлении и потерях, а что будет расцениваться как поражение, несмотря на продвижение и новые плацдармы.

В конце концов это выбор экзистенциального принципа. За что умирать: за Родину или ради оваций? Хорошее слово «рукоплескания». И в воздух чепчики...

4. От психоистории...

Образцом функциональной аналитики в чистом рации может являться Эмиль Дюркгейм [Дюркгейм 1991: 391–532]. Культовое в социологии правило Дюркгейма гласит: «Когда социальное явление прямо объясняется психологическим явлением, можно не сомневаться, что объяснение ложно» [Цит. по: Демоз 2000: 176]. Нам здесь это интересно лишь затем, что думающая публика в основном так и думает. Утверждения, что люди могут гибнуть не за металл и не против вражьих блоков, а под влиянием комплексов и фантазий, по умолчанию считаются далекими от понимания природы исторической материи.

Психоистория (Ллойд ДеМоз) занимается универсальным анализом мотиваций. При этом так исторически сложилось, что сам ДеМоз занимался именно военной историей. «Похоже, что после слов "жажда власти" историки уже не считают нужным пускаться в дальнейшие рассуждения» [Демоз 2000: 6] и даже не спрашивают, «почему именно война становилась средством разрешения того или иного экономического разногласия» [Там же]. «Историки продолжают наполнять целые библиотеки описаниями экономических условий <...>, не затрудняя себя анализом слов и поступков лидеров, развязавших войну...» [Там же]. «Мои собственные исследования держат в центре внимания мотивы поступков тех, кто принимает решение, а также тех, кто создает атмосферу ожидания и способствует тем самым решению о войне» [Там же: 120]. «Когда кайзер Вильгельм II, подстрекавший Австро-Венгрию вести дело к войне с Сербией, узнал, что Сербия согласилась фактически на все чрезмерные требования Австрии, он <...> объявил: "Тогда все причины для войны отпадают", и приказал Вене вести примирительную политику. Но позывы групповой фантазии были слишком сильны <...> и война все равно началась» [Там же: 121]. «Маниакальный оптимизм и неизбежная недооценка длительности и жестокости войны, усиление паранойи при оценке мотивации противника <...> – эти и другие явные иррациональности служат приметам того, что начала воплощаться могущественная групповая фантазия» [Там же: 121–122].

Или наоборот: Вудро Вильсон, которого в начале 1917 г. буквально заталкивали в Первую Мировую, заявил: «Все равно это еще не то, чего я жду, этого недостаточно. Вот когда они будут готовы бежать с криками "ура", я воспользуюсь их готовностью» [Цит. по: Демоз 2000: 126].

5. ...К психоидеологии³

Но все это ближе к отдельным эпизодам, которые Фернан Бродель называл «событийной историей» и даже «пылью истории». Обычно примерно так и выглядят типовые исторические нарративы – но только если этим не злоупотреблять. У нас же увлечение «пылью истории» нередко порождает целые пылевые бури.

Когда же речь идёт о более сложных сборках и процессах, о больших длительностях и многослойных структурах сознания и коллективного бессознательного, в свои права вступает в том числе психоидеология.

Идеология как таковая ориентирует человека в мире, в истории и в отношениях. И, как это ни банально, люди так думают, потому что они так думают (им так сказали). В плане психоидеологии люди так думают, потому что они так чувствуют, а это бывает гораздо ярче и прочнее – или хотя бы не так тоскливо, как в провинции у моря. Это китайцы выжидают, когда мимо начнут плавать трупы врагов; русские блаженны в минуты роковые, и эту радость часто не омрачают даже трупы своих. Дефицит значимости и подавленная неудовлетворённость собой компенсируются причастностью к могуществу и величию целого, к пафосу движения и самого исторического момента.

Если человека трудно разубедить, обратив в другую идеологию, то еще труднее заставить его «расчувствовать». Поэтому логически, на аргументах, доказать друг другу в подобных конфликтах в отношении войн, в том числе войн собственной страны, почти ничего нельзя, но можно испортить отношения и сильно друг в друге разочароваться. Такие споры – последнее дело, когда больше нечего пить, но тянет поговорить, как с Ванькой у Вересаева: «Я умных разговоров не знаю, а поговорить с вами хочется». Отсюда бесконечные перестрелки комментариев в Сети с переходом на личности и использованием ненормативной лексики, не говоря о недобросовестной манипуляции смыслами.

6. Психоидеологический микрокосм. *Личность как государство в миниатюре*

Обычно в идеологии видят форму господства – подчинения, средство манипуляции через идеи и представления («сознание для другого»). Но человек может производить идеологию и для себя, для внутреннего пользования [Рубцов 2021; Рубцов 2019].

Иногда для оправдания собственных поступков или бездействия, сомнительных успехов или больших провалов люди сочиняют сложнейшие идейные построения и «теории», почти мировоззренческие. Ты приезжаешь посочувствовать другу, а он выкатывает тебе готовую конструкцию, объясняющую, кто виноват и что к этому и без того все шло, потому что с героями и подвижниками в той конторе и в этом мире всегда так. Относительно собственной большой и малой судьбы выстраиваются целые научные теории и идеологические системы, против которых и возразить-то бывает нечего, не обижая при этом собеседника в лучших чувствах и не выводя его из с таким трудом достигнутого психо-эмоционального равновесия.

В таких случаях выстраивается даже особая объект-субъектная онтология процесса. Если для обычной идеологии необходима коммуникация с объектом воздействия (идеология всегда кому-то что-то говорит, молчащая идеология – нонсенс), то в сознании индивида как в микрокосме социума все это замещается внутренней речью и воспроизводится в режиме внутреннего диалога. Помимо собственно психологов, писавших о «внутреннем диалоге» и «внутренней речи», об «аутокоммуникации» (Л.С. Выготский, В.С. Библер, М. Бубер,

³ См.: Рубцов 2020.

А.Р. Лурия, Ж. Пиаже, А.А. Ухтомский), можно вспомнить Карлоса Кастанеду – исключительно за позицию воина, раз уж речь зашла об этой теме. «Мы непрерывно разговариваем с собой о нашем мире. Фактически, мы создаём наш мир своим внутренним диалогом <...> Мы также выбираем свои пути в соответствии с тем, что мы говорим себе <...> Воин осознаёт это и стремится прекратить свой внутренний диалог» [Кастанеда 2014: 15]. Иногда, как в единоборствах, нужна предельная концентрация отрешением от всего, что мешает эффективно убивать и достойно умирать. Это многое объясняет в военной цензуре, по большому счёту отнюдь не только конспиративной, охраняющие военную тайну, а также в прямолинейности пропаганды периода боевых действий. Но это и типичное зеркало для героя, отражающее социальный космос в личностном микрокосме. Обострения больших социальных конфликтов часто обнаруживают в отдельном человеке ту же идеологическую работу и борьбу, что и в социуме, в государстве. Можно взять классический, хрестоматийный перечень функций обычной идеологии – и без потерь перенести его внутрь личности. Здесь вскрываются те же механизмы мобилизации и консолидации, психической защиты и самотерапии, формирования картины мира и ориентации в мире (но уже в своём собственном внутреннем мире). Это тоже «сознание для другого», но только для другого в себе. И это не шизофрения, не диссоциативное расстройство идентичности (в быту ошибочно называемое раздвоением личности). Скорее, наоборот, это норма человека думающего, способного сомневаться и внутренне оспаривать самого себя.

В самом деле, в считающейся классической версии Карла Шмитта политика определяется оппозицией «друг – враг» (подобно тому, как в этике это оппозиция «добра и зла», в экономике «выгодно – невыгодно», в эстетике – «прекрасно или безобразно», в науке – «истинно или неистинно» [Шмитт 2016; см. также: Филиппов 2015]).

Здесь представляется принципиальным прежде всего сам прием, метод конституирования через базовую оппозицию. При этом можно по-разному относиться к самой оппозиции «друг – враг», к ее конкретному выбору в конституировании политического.

Психоидеология обнаруживает эту по-своему воинственную, конфликтную оппозицию «друга и врага» в отдельном человеке. Во внутреннем контуре личности борьба и конфликты с самим собой могут выливаться не просто в внутреннюю полемику, но и в своего рода спецоперации и в подлинные войны, нередко разрушающие жизнь и саму личность. Но в таких противостояниях есть и своя продуктивность; более того, это даёт и особо креативный подход к личности как к «малому государству в себе», а к государству как к аналогу огромной личности с полным набором антропоморфизмов. Например, в личности работает уже не просто обычная самоцензура, фильтрующая выступления осторожного человека вовне, но и отдельный самоконтроль, определяющий, что человек может или не может говорить самому себе. Иногда такая самоцензура по жесткости приближается к фронтовой. Разница лишь в том, что люди здесь не просто умалкают, но ещё и «слепнут». Если человек для себя во всём только друг, напрочь уничтоживший свою внутреннюю пятую колонну, это означает ноль сомнений, что тоже проблемно (за исключением, пожалуй, только отечественных войн: «Мы за ценой не постоим»).

И наконец, положение идеологии и психоидеологии в диапазоне между полюсами в оппозиции «вера – знание». На полюсе веры идеология тяготеет к полюсу религии, а на полюсе знания – к полюсу философии или, по крайней мере, точного, достоверного исследования. Военные хроники и интерпретации не случайно напоминают опытные сессии с протоколами анализа и логических выводов. Однако, строго говоря каждое достаточно общее, мировоззренческое высказывание выглядит одновременно и философским, и идеологическим. Разница в одном (и она принципиальна): если идеология пытается преподнести неочевидное как очевидное, то философия, наоборот занимается систематической критикой «очевидности»,

пытается вскрыть неочевидное в якобы очевидном. Это необходимая составляющая сознания всякого общества, испытывающего потребность осмыслить и реально оценить свои конфликты и спрогнозировать наиболее общие последствия силовых действий. В открытых конфликтах эта работа может быть даже конспиративной, для внутреннего пользования (по принципу «лучше, такая, чем никакая»). Но во всяком случае это позволяет не опускать подлинную философию, необходимую для непредвзятой ориентации в мире и в большой истории, до уровня якобы глубокомысленной агитации и пропаганды.

Что же касается психоидеологии, то это отдельная зона оформления коллективных установок и желаний, общих комплексов превосходства и обиды, грандиозности и всемогущественности, исключительности и предназначения, миссионерства и мессианства. Глубокий ресентимент и бред величия объединяют взрывы нарциссического гнева и нарциссической ярости в ответ на любую критику [см.: Рубцов 2020]. Такова идеальная энергетика воинственности.

7. Психоидеология смерти и блеска. Наследие и наследственность

Нарциссизм в быту обычно понимают как в целом безобидную, даже слегка комичную особенность в характере и поведении отдельных личностей, включая друзей. Но стоит перечитать античный миф о Нарциссе. Это история изощренных наказаний и мучительных, страшных смертей, возможно, самая поэтичная и одновременно трагическая. И бесконечная: «Даже уже в обители принят Аида, в воды он Стикса смотрел на себя».

Вообще говоря, нарциссизм бывает конструктивным и деструктивным. Конструктивный нарциссизм в определённом смысле также продуктивен в борьбе, как и в творчестве. Но вместе с тем, философия не случайно связывает нарциссизм с влечением к смерти, что в жизни подтверждают его злокачественные формы, в том числе убийственные в прямом смысле. Агрессией пропитаны и более мягкие формы, начиная с обычной акцентуации и включая отклонения, деструкции и расстройства, патологию, клинику.

В современном мире это ещё и особые риски. Только для примера: «Правило Голдуотера» и движение «Психиатры против трампизма» с диагнозом злокачественный нарциссизм от известного клинического психотерапевта Джона Гартнера и, наконец, гений нуара Стивен Кинг: «Трамп олицетворяет просто хрестоматийный пример нарциссического расстройства личности <...> То, что у этого парня палец на красной кнопке, страшнее любой истории ужасов, что я написал».

Но это и более системные связи. Сколько-нибудь масштабные боестолкновения, как правило, имеют идеологическую поддержку. а идеология всегда нарциссична, тем более психоидеология, связанная с героикой и самопожертвованием. Нет ничего удивительного в том, что военная элита всегда блистала сгущением самовлюблённых. И не случайно на фоне штатских военные всегда одевались в пух и прах. Это видно по боевому оформлению воинов племени, по сиянию доспехов легионеров и рыцарей, по всем более поздним декоративным излишествам, например, гусарским. И даже сейчас новейшая боевая техника и выкладка тяготеют к шедеврам специфического дизайна.

В мирной жизни это прежде всего проблемы биографии в масштабах ближней истории. Ребёнка можно сделать потенциальным нарциссом, либо безбожно захвалив, либо заставив пережить ранний кризис обесценивания в период, когда будущая личность особенно нуждается в безоговорочной защите и родительских восторгах. То же с социальными и политическими режимами в стадии становления. При Ельцине наше ЦТ регулярно высказывалось о родной власти в той же лексике, в какой оно сейчас высказывается о власти в Украине («ге-ноцид», «оккупационный режим», «сдача коллективному Западу»). Это было особенно вопи-

ющим на фоне всех прошлых самооценок. Новая Россия едва появлялась на свет, но в сознании и бессознательном общества ещё долго присутствовала (и до сих пор присутствует) психоидеология уникальной судьбы и глобально-исторического величия. Даже идейно-политический скепсис не мог полностью вытравить образ СССР как страны – лидера цивилизационного прогресса, находящейся на пике всемирно-исторического развития. Это было глубже «стилистических» и прочих разногласий. И с такой психоидеологией страна вошла в системные кризисы 1990-х! Это называется агония, усугубленная неправильными родовыми схватками.

Тем более надо понимать всю условность и даже иллюзорность постсоветской деидеологизации. Прежде всего, она коснулась не столько системы идей, сколько системы институтов. Идеологии не стало там, где её привыкли видеть (идеологический отдел ЦК, секретарь по идеологии как второй человека в государстве, партполитпросвет, цензура, мощнейшая система глобальной идейной экспансии с издательством «Прогресс» в «Книге рекордов Гиннесса»).

Более того, с людей сняли униформу, но не отучили ходить строем. И даже не особенно старались это делать. На смену квази-научной, рационально выстроенной и строго упакованной идеологии советского официоза, к которой все так привыкли, пришли новейшие формы теневой, латентной, проникающей, диффузной и т. п. идеологии. Удивительные эффекты: государственной идеологии как таковой якобы нет, но при этом государство эффективно контролирует идеологические структуры сознания и даже коллективного бессознательного. Иногда власть просто «идеологически партизанит» на собственной территории, но не потому, что чего-то стесняется, а потому что именно это и работает. На этом фоне реанимация старых моделей и схем (например, созданием списков «традиционных российских ценностей» по аналогии с известными Кодексами) обречена и только мешает.

Главным заимствованием из советской идеологии сейчас, конечно же, является образ Великой Победы. Он не просто стал центральным и почти единственным, но и практически вытеснил все прочие победные эпизоды русской истории. В «украинском проекте» этот ресурс, надо признать, расходуется сравнительно экономно, и все же он всегда стоит за кадром, вплоть до образов новой Ялты и т. п., не говоря о «демилитаризации» и «денацификации».

Вместе с тем, символ Победы, во-первых, далеко не сразу после окончания ВОВ набрал идеологическую силу, а во-вторых, изначально был вписан в более общую конструкцию геополитического, культурного, цивилизационного величия страны. Это была идеологема общей исторической победы, отнюдь не только военной. В нынешней ситуации, если заглядывать вперёд, это ещё и проблемы с опережающей диверсификации всякого рода победных идеологем при переходе от борьбы к жизни.

Демоз Л. 2000. *Психоистория*. – Ростов-на-Дону: Феникс. – 512 с.

Дюркгейм Э. 1991. Метод социологии – Дюркгейм Э. *О разделении общественного труда. Метод социологии*. – М.: Наука. – С. 391–532.

Кастанеда К. 2014. *Колесо времени*. – М.: София, 2014. – 288 с.

Рубцов А.В. 2019. Идеология в структуре социума и личности – *Полilog/Polilogos* – Т. 3. – № 4. – Доступно: <https://polylogos-journal.ru/s258770110008020-4-1/>. Проверено: 30.04.2022.

Рубцов А.В. 2020. *Нарцисс в броне. Психоидеология грандиозного Я в политике и власти*. – М.: Прогресс-Традиция. – 816 с.

Рубцов А.В. 2021. Философия для миллионов и миллион философов – *Человек*. – Т. 32. – № 4. – С. 92–108.

Филиппов А.Ф. 2015. Политическое у Карла Шмитта – *Постнаука*. – Доступно: <https://postnauka.ru/video/50701>). – Проверено: 30.04.2022.

Шмитт К. 2016. *Понятие политического*. – СПб.: Наука. – 568 с.